

В КОНЦЕ прошлого года должна была выйти, но не вышла и не выйдет — из-за отсутствия издательства «Бумажка» — моя новая книга. Конечно, обидно: в ней в основном незнакомые читателям произведения, но что делать? Мы можем перепечатать — нас все-таки читатель знает, зато сколько совершенно незнакомой, неизвестной литературы он получит за последние годы. Полагаю, что при бумажном дефиците это важнее для него да и для всех нас — открыть «белые пятна» русского зарубежья, а также опубликовать наконец рукописи из «стола» писателей эпохи, раскритиковавших совсем по-новому, возмущивших В. Тендрякова и его, возмущивших вехами, которые по глубине мысли, по обжитой правде превосходят известные произведения прозаика. Его рассказы о голоде в период коллективизации гораздо сильнее моего о документальности, который я включил в эту неувиденную свет книгу.

В ней полностью представлена повесть «Борники пути-дороги». В 80-м в «Знамени» была опубликована первая часть, вторая — там же, только в 89-м, под названием «Что было...». В книгу вошла также повесть «Эта была сорок восьмая...» — я начал писать очень давно, еще до «Встреч на Сретенье», но закончил только тогда, когда познакомился с Чингаром Блюменталем, сыном комиссара знаменитой 30-й дивизии, которая «В боях чонгарской переправы прошла и в пламени и славе». Ему я и посвятил повесть, потому что его судьба необыкновенна, и я «скрестил» ее с судьбой бывшего фронтовика, пытающегося в смутных и трудных буднях послеповинного времени найти свое место в жизни...

...последней вещи, завершающей книгу, хочу поговорить поподробнее. Я назвал ее «Одна жизнь...», а в скобках — «Записки старого инженера». Это действительно записки, хотя кто-то из рецензирующих в журнале «Дружба народов» (она публикуется в 12-м номере 1990 года, который неизвестно когда придет к читателю) нарек ее «политическим романом». Нет, конечно, какой роман? Это записки, размышления, немолодого кобальтера, как он себя именует, о жизни обыкновенного человека, но жившего в необыкновенное время и пытающегося разобраться в этом времени. Человека, со студенческих лет далекого от политики, но приверженного ни большевикам, ни их противникам, выходя из крайностей, как и было написано в его документах, интеллигентного во втором поколении. Человека, потерявшего в 37-м много друзей, старых инженеров, но каким-то чудом не попавшего в ГУЛАГ, чему удивляются все дальнейшие читатели. Эти записки — и воспоминания о прошлом, и жизнь сегодняшняя (записки датированы 1980 годом) с ее бытом, с предчувствием неизбежного конца, перед которым необходимо как-то осмыслить и понять собственную судьбу...

Я считаю, что поколение наших отцов бед досталось гораздо больше, чем нам. Они, родившиеся в конце прошлого века и встретившие революцию уже взрослыми, испытавшие разруку и голод гражданской войны, процессы так называемых вредителей конца двадцатых годов, коллективизацию, а затем переживания и тридцатые, будничные жизни кандалами в ГУЛАГ, прошли более тяжелую и страшную дорогу уже потому, что знали другую — нормальную и более или менее благополучную жизнь — жизнь старой России начала века, когда интеллигенция пополнилась уже из низших слоев общества и когда Россия находилась на валете и экономическом, и духовном... На этом валете и подстрелил ее семнадцатый год.

Работая над исповедью старого интеллигента, я окупился в мемуары, воспоминания, письма лет тридцати гражданской войны. Мне удалось прочесть тогда еще недоступные письма Коренько Луначарскому и его друзьям. В 21-х годах (в чем очень помог прекративший и музетвственный человек — А. В. Храбровицкий, недавно ушедший из жизни «Несвоевременный» М. Горького, «Красный террор в России» Мелуговича, отбывавший прежде на тамбовке, но теперь изданный в нас, ну и конечно, пришлось прочесть и Владимира Ильича. Его, правда, я читал много раньше, чтоб иметь представление о событиях тех спорах, которые вел с В. С. Михайловым, тоже, увы, уже покойником. Он был ярким противником Ленина, считал, что лишь возвращением к нему можно наладить в России жизнь, в чем и убеждал меня страстно, однако безуспешно. Сам Владимир Ильич свиноровыми обвинениями по поводу «массовности террора» и многим другим не прибавил В. С. Михайлову силы в его апологетике вождя революции.

После того как я ознакомился со многими историческими документами, со свидетельствами очевидцев, мне стала ясна случайность октябрьского переворота. Когда на встрече с историками, доказывавшими закономерность и неизбежность Октября, я задал вопрос: а был бы переворот, если бы Ленин не смог приехать в Петроград, — ведь большевики, там находившиеся, и даже Сталин ни о каком восстании и не помышляли, совершилось оно только под влиянием Ленина (Прошкин в своих воспоминаниях писал же, что, если бы не Ленин, Октябрьской революции не произошло бы: один он, Троцкий, не смог бы ускорить остальных большевиков на нее пойти), — историк, увы, ушел от конкретного ответа и перешел к разговору на диктатуру белых генералов, которая, дескать, грянула бы, не свершись Октябрь... Мне же думается, что это был тот случай, когда роль личности в истории оказалась главенствующей, — без Ленина не было бы Октября...

Мы часто слышим с высоких трибун слова: «Страна в кризисе, Союз на грани распада, стране на краю» и т. д. и т. п. И говорят это люди, управляющие нашим государством, а выходят, что все это слово свалилось нам на голову откуда-то, произошло спонтанно. Говорят и разводят руками: так вот почему-то получилось. Простите, вы же правите страной, вы же сами довели ее до этого состояния. Но об этом ни слова: кризис есть, а виноватых, ответственных нет...

Я с детства столкнулся с несправедливостью нашей системы, наблюдая в 29-м раскулачивание, изгнание священника, а в 31-м — докучающие, и поэтому мое неприятие существующей власти было на уровне эмоций и инстинктов, а не в детстве понятий о добре и зле. Был и еще один случай, свергший меня в историю, когда я увидел бабушкиного знакомого, старого учителя, у церковной паперти, просящим подавни. Он был плачевнее, то есть лишен всех средств к существованию. Чем, как не злом, было все это для детской души, когда я до слез жалел попавшую в колодезь собаку из «Детства Темны», а

здесь жили люди, несчастным которых сделали коммунистические власти... Ну, а остальные «художества» я наблюдал уже пятнадцатилетним, а затем семнадцатилетним... Кстати сказать, как это ни странно, но признания на Лубянке старых большевиков мы, ребята, объяснили тем же, чем Кестлер в «Слепящей тьме»: угворили старую гвардию, что их признание необходимо для партии, надо, дескать, показать всему капиталистическому миру, что оппозиция у нас ликвидирована, залупать врагов Силой и единством не все догадались, но я знал и про них — в 35-м сажали отца моего друга, затем отпустили, так он парасказал своему сыну... В 37-м азыли его уже надолго. Случайно в те времена попалась мне книга Новгородеца «Об общественном идеале», где значительную часть занимала критика марксизма. Деталь: книга издана в 17-м, половина на хорошей бумаге, половина на плохой, донепечатали, видимо, уже после революции... Не видеть ничего этого, не задумываться могли лишь слепые или люди, сознательно надевшие на глаза шторы, а потому неверно представлять народ эдаким ни о чем не ведающим, ни о чем не думающим. Но, повторяю, и в юности я мало знал об истоках творящегося, да и не пытался знать — неприятие действительности вытекало просто из ощущения происходящей несправедливости и жестокости...

Мне кажется, что после захвата власти большевистская партия несла в себе комплекс неполноценности, так как власть ею была действительно захвачена, узурпирована и со всех точек зрения — юридической, этической — являлась незаконной. Отсюда и страх перед народом, недоверие к нему и явная любовь. Начав с жесточайших репрессий, партия продолжала их во время нэпа и в дальнейшем, достигнув апогея в тридцатых годах, и уже совершенно бессмысленных — в послереволюционное время, когда народ своей победой доказал преданность единству, силе, страхом, террором вошло в плоть и кровь нашей крошечной партии. Правая крайняя образцом и не встречая сопротивления, власть, разумеется, не могла и уважать народ, а неуважение приводило к тому, что не признавала в нем никаких интеллектуальных возможностей, полагая себя выше народа, а потому учила и наставляла его постоянно, не понимая, а может, и не желая понять, что весь народ всегда имеет гораздо более мощный интеллектуальный потенциал, чем его часть, то есть партия. И это партия, она сублимировала беспартийными самовосхвалениями, чего стоит хотя бы самостатус партии — «чум, чисть и совесть нашей эпохи».

Без этого не понять и не объяснить, почему и сегодня, на шестом году перестройки, премьер, оправдывая очевидный провал денежной реформы, рассказывает нам байку о финансовом заговоре западных стран, полагая, видя, всех нас круглыми идиотами. Вспоминаю опять называвую записку с партийных трибун: «Голод в каких-то партиях, отсюда — оттак называемых демократов», о неких анонимных «деструктивных силах», которые нам что-то «подбрасывают». Даже как-то невольно становится за этих товарищей от такого вот неприкрытого, нескрываемого пренебрежительного, почти презрительного отношения к собственному народу, будто бы готовому клонуть на любую тулупую наживку и поверить в эти до тошноты знакомые и привычные выдуманные «заговоры» и прочие шутки, которыми нас потчевали, стараясь натравить на противники многих лет. Неужто не понятно, что на такой вот домоношенной и ветхой от старости телеге прошлого далеко не уедешь? Но раз идут на это — значит, совершенно не знают народ и особенно молодежь, не предполагают в них ни толки здравого смысла.

Мы сейчас стараемся понять президента, пошедшего, как нам кажется, круто вправо, понять, почему изменил он своему окружению и стал и слову «демократия» прибавлять «так называемую демократию», не сторонник лозунгов «Долой Горбачева», «Президента — в отставку» на наших демократических митингах, меня тревожит отсутствие в людях естественной человеческой благодарности — ведь возможность провозгласить открыто такие лозунги дал сам Горбачев. Без него демократическая интеллигенция поживала бы, как и прежде, а своих кухонных и витихаря перемывала бы косточки советской власти и правды. Что стало резко толкнуло президента к родимой партии и к родному — чего уж тут лукавить — партаппарату, из которого он и вышел? Вполне можно предположить, что а нем еще не угасла вера в возможности старой системы как-то стабилизировать положение в стране, действительно катастрофическое. Постаравшись все же не только обвинять его «в каткете», в «поправлении», но и понять причины этого. Нет тут и вины демократов, оттолкнувших его своими требованиями ускорения реформ и более решительного перехода. У рынка, но ведь а промедления есть и свой резон. Гарантированы ли мы от того, что приватизированные магазины и частные предприятия не начнут гримить? Готова ли значительная часть населения примириться с чьим-то богатством, от которого ему, в сущности, нищему, пока никакого толка, а если и будет он, то неизвестно когда? Я ведь помню, как в конце нэпа возмущались люди роскошью народов прогуливающихся в Столешниковом дам, как глядели с завистью на «персональных» лихачей... И хотя нэл был свергнут сверху, я не помню что-то особых сожалений по этому поводу у рядовых москвичей. И не было сочувствия и в нашей квартире со стороны соседки к жене высланного напмана Ляпушкина, так и стигнувшего навеки. Конечно, равенства у нас не водилось никогда, но с привилегиями правительственных и партийных чиновников народ почему-то смирялся, а вот с тем, что его stesso, такой же, как он, рядовой Иван, вдруг станет богачом, никогда не примирится, — во всяком случае, на данном, как говорится, этапе своего самосознания...

Должен ли президент учиться это? Наверное. И, конечно, здесь можно понять Горбачева, только боюсь, что его упование на способность партаппарата стабилизировать положение в стране напрасно. Первые действия старо-новомого павловского кабинета не дают, по моему, никаких надежд на это, и общественное мнение иллюзий на сей счет не имеет — полагаю, не без основания, — что правительство ожидает бесславный конец в ближайшие же месяцы. (Высказанное здесь правосомно лишь при

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ:

ЛЕД ТРОНИТСЯ

условию, что события в Прибалтике не связаны с президентом. В ином случае и разговор произойдет.)

Что ж, тогда, возможно, не останется больше ничего, как развести руками и признаться в провале попытки старыми средствами чего-то достичь, и придется провозгласить решительный и уже бесповоротный переход к рынку. Признаться, кстати, и капитализацию общества, чем сейчас нас пугает российская компартия. Жупелом капитализма никого, разумеется, не устрашит — слишком разительный контраст урона жизни у нас и в «капстранах». Защищать «наш» путь могут лишь люди, которым, этот путь дал возможность жить на «островах коммунизма», пользующихся всеческими «спецаппаратами». Сохранить для себя такой «социализм» очень, конечно, хочется, ну, а то, что народ будет продолжать впасть полунчищенное, полуголодное существование, которое и жизнью, и здоровьем, и этому, такая губительная привычка, это их ничуть не тревожит, так и величают его как «совесть эпохи... Так давайте же, раз уж сам президент назвал существующий режим тоталитарным социализмом, определим прямо его как антинародный, как одну из жесточайших диктатур в мире — диктатуру партаппарата, а наиглавнейшей целью народа — ликвидировать эту диктатуру. И ни при чем тут «антикоммунизм», в котором обвиняют демократов, не надо запугивать народ: идея коммунизма — одно, а партаппарат, доведший страну до краха — совсем другое. Только бы эти коммунисты, как они ни кланялись. Мы-то знаем, для кого был построен «коммунизм», кто им и по сей день пользуется.

Работа над «Записками старого инженера» дала мне возможность погрузиться в прошлое, в старую, дореволюционную Россию, в годы революции и гражданской войны. К слову сказать, настоящая русская интеллигенция большевизма не приняла, не смогла примириться с разгулом террора, называемого даже официально «расправками». И социалист В. Коренько, и пролетарский писатель М. Горький протестовали, как могли, и против расправ, и против разорения страны, к которому привел лозунг «грабь награбленное». И белая армия состояла не только из офицеров-дворян, но и из бывших студентов-разночинцев, молодой поросли русской интеллигенции. Да и невозможно, думаю, было понять «красный террор», как и 37-й год, принять это было возможно лишь при полном отсутствии нравственных чувств, а тогдашняя интеллигенция, да и наше поколение были воспитаны святой и доброй литературой прошлого века.

Не такой уж отсталой и бедной, как нам твердили, оказалась и Россия-матушка 13-го года. Любопытны и данные, приведенные Джоном Ридом в книге «Десять дней, которые потрясли мир». В первых изданиях они были, в последующих «идеиканто» убраны. А данные такие: дневная зарплата квалифицированного петроградского рабочего накануне революции и цены на продукты. Читая эту книжку в 38-м году, я выяснил, что в 17-м на 7 р. можно было купить гораздо больше, чем в 30-е, зарабатываемых моим отцом-инженером в 38-м. Значит, даже наш российский, всячески поносимый капитализм способен был кормить народ на третьем году войны гораздо лучше, чем социализм на двадцать первом году своего существования. Ежели же сравнить наши теперешние цены и зарплату, то разница окажется, видимо, еще более значительной. Вот вам и преимущества «социалистического выбора», о котором, твердили семьдесят лет и продолжают твердить и теперь, сichtlich полагая, что народ заблудит и такое вопреки всем фактам, вопреки всему своему жизненному опыту. Вопрошу еще раз: за кого же считают народ наши властители?

К чему я? Да к тому, что работа над этой вещью добавила к моему просто моральному неприятию системы знание. Это потому, когда «Записки» были уже сданы в журнал, появились у нас статьи публицистов, историков, философов, которые вскрыли историческую правду, сделали ее достоянием общества, но мне пришлось протираться этой правде самому, — может, оно и лучше.

ДОЛЖЕН признаться, что в последние время почти ничего не читаю из беллетристики... Стильно, но как в журналы лежат непрочитанными из них прочитаны лишь некоторые публицистические статьи. Думаю, я не

одинок. Трудно с этим примириться, но интерес к литературе, к театру упал, что, наверное, естественно. Естественное потому, что раньше хоть чуточка правда о нашей жизни могла появиться только в искусстве, в литературе. И мы набрасывались с жадностью на каждое новое произведение Быкова, Трифонова, Можая и других писателей, кто был способен говорить правду. Сейчас правдивое слово везде: и в демократической прессе, и в лекциях на митингах и в бытовых разговорах. Литература же запаздывает, она требует времени и для создания, и не меньшего — для публикации, она доходит до читателя уже тогда, когда публицистика сказала свое слово. Что же касается эстетической стороны, то нам что-то сейчас не до эстетики, настолько перелопатит нас политика. Но есть авторы, произведения которых я не могу не процитировать.

Передо мной две книги. Первая, правда, еще не книга, а журнальная публикация С. Алексиевич «Цинковые мальчики», другая — «Возвращение из Афганистана» Н. Стрельцовой. Две книги об афганской войне, и обе написаны женщинами. Не потому ли, что для женщин война всегда трагедия более значительная и страшная, чем для сильного пола: они теряют своих сыновей, отцов, мужей, братьев... Помню, выкарабкиваясь раненым с поля боя, я боялся не за себя, что добьют, а за мать, которая получит похоронку. Это, кстати, и дало сил выжить. В Афгане наши ребята тоже думали о матерях, почти каждый говорит о них в своих рассказах о войне.

Первая вещь Светланы Алексиевич «У войны — не женское лицо» произвела огромное впечатление на всех. По моему, я первым написал тогда отзыв на книгу, поражаясь способности молодой писательницы найти такой контакт с волевыми женщинами, что они откровенно ей, поведали сокровенную правду, о которой, возможно, не говорили и близким. Поэтому меня уже не удивило, что и афганцы — мужчины и женщины — рассказали ей самое-самое... Послушайте, что они говорят:

«Нет, с войны не возвращаются герои... Оттуда нельзя вернуться героем... Поимте, трудно в чужой стране, а еще неизвестно за что, приобрести кинь-то идеаль».

— Ну и дуран! Поссорился с сержантом, ушел к «духам». Стрелюну би, и все. Списали бы на боевые потери.

Откровенный разговор. Ведь многие офицеры думали, что тут, как в Союзе, можно ударить солдата, оскорбить... Таких находили убитыми... В бою в спину выстрелит... Поиди дождиком, особенно солдаты, мальчишки все-семнадцатилетние-двадцатилетние. Многие они тут увиделись, как и женщины, проедает на ночь за шива, да где там ящичи, за две бани тушенки. Потом эти плазады он будет на жему смотреть».

«Мелничула в пазити и исчезла Светлана Афшона. В первый день своего приезда в Кабул она переспела с солдатом за сто афишек, пока не разобралась. Через пару недель брала по три тысячи. Солдату не по параму».

— В. К. стуйт-и в нонату солдат.

— Командир зовет.

— Не поиду.

— Чего ломаешься? Не знала, куда ехала?

Утром командир пригрозил сослать в Нангагар.

— Что такое Нангагар?

— Мужик, «духи» и кошмар... Через два дня научилась, разве тут можно научиться добру или милосердию? Или радости?»

Подобные откровенные высказывания — по всей книге. Они вызывают и жалость, и негодование, и чувство стыда... У читателя шок чуть ли не от каждой страницы. Вот как шла эта «незамысленная война! Даже для нас, прошедших Отечественную, очень многое странно, непонятно. Что-то общее, но есть и такое, что вновь. В боях врады бы как и у нас, а вне боя? Вот один только эпизод: «Деду нес чай, а туд муха залетела. Би и две недели не подпускали к кухне», — рассказывает солдат, привезенный в госпиталь с дистрибуей. Или как «деды» заставляли свои грязные носки лизать. Сие просто в голове не укладывается! И понимаешь: и война другая, и армия совсем другая. Такую армию нельзя принять нормальным человеку. И пусть не жалуются военные, что идут «наледаки» на армию. Не может заслужить уважение ни командир, ни политработник, не сумевшие справиться со столь отвратительным явлением, как «дедовщина». Как можно дозволить подонкам так унижать людей, так издеваться над ними? Не могу понять и никогда не смогу примириться с этим! Говорят, а бою «деды» шли пер-

выми, но, думаю, и здесь не из жалости к первоодам, а больше из-за того, что бы высказать этим свое презрение к ним и еще раз унизить недоверием — куда вы годитесь. А у адрет этот первозодок поведет себя увереннее, умнее, чем «деды», что тогда?

Как и прочие документальные книги С. Алексиевич, и эта подлинно художественная. Ее автора интересует прежде всего люди на войне, а не сама война, человек, его чувствования, переживания в ситуациях и событиях, а не сами эти события, и ситуации на протяжении всей книги — крик человеческой боли, порой отчаяния: люди, что вы с собой сделали! Кстати, точно такие слова вырвались у моей матери, когда она, открыв разорванным ватником в оборванной рубашке батника, страшного, худого, не бритого, «кто с тобой сделал!» — были ее первые слова, когда я вернулся из-под Ржева. Светлана Алексиевич, передавая рассказы афганцев, не комментирует их, оставаясь нас наедине с ними, с их болью, с их недоумением, с их страданиями... Ее проза — эмоциональный ожог, который оставляет в душе неостывающие рубцы.

Книга Н. Стрельцовой, хотя она построена тоже на рассказах волевающих в Афганистане, содержит авторские размышления по поводу услышанного. Отсюда, наверное, и выбор лиц, с которыми ведется разговор. Это генералы, советники, комсомольский работник, матери погибших (они есть и у Алексиевич), причем фамилии их названы, что, по моему, заставляет опрашиваемых быть более осторожными и взвешенными в своих ответах. Я не хочу сказать, что в этой книге нет потрясающих фактов, они есть, взяты хотя бы попытку самосожжения бывшего афганца Павла Данилкина в городе Покрове. Я хочу просто отметить, что эта работа больше журналистская. Автор все время polemизует с собеседниками — и в открытую, и в своих последующих раздумьях. Вот слова одного генерала:

«Некоторые говорят — ошибка... Время покажет, сейчас еще рано судить... Надо было помочь. Иначе нельзя, ведь мы коммунисты. Мы как-то не можем забывать, что наш изначальный долг — помочь людям».

Нормальный читатель должен возразить: он-то знает, как «помогали» коммунисты людям на протяжении всех семидесяти лет. Стоял по стране от такой «помощи», по всей земле могильники невинно расстрелянных, архипелаг ГУЛАГ — куда ни кинь взгляд... Не может оставить равнодушным и высказывание афганца, ставшего комсомольским деятелем. На вопрос, наложил ли афганский опыт отпечаток, он отвечает: «Может быть, действительно сработало то, что приобрел тот русский дух, который проснулся там, на чужой земле...» Или другое высказывание — поощающее Афган добровольцев: «Облако детей было. Женщин, конечно, жалко. Крестьян. А душманов — нет. Абсолютно».

А как вы посмотрите на следующее признание: «Я скажу так: колы скоро мы туда вошли, надо было до конца там и оставаться и не выводить войска. Я считаю, что мы в Афганистане недоделали много дел, которые могли бы сделать... Вот потому я говорю: поестиче надо было».

У меня мороз по коже от этих слов. Что мы могли там «доделывать»? Еще убить миллион афганских жителей и еще десятка наших солдат? Страшно. Но раз есть люди, которые так думают, надо посчитать, видимо, это своим долгом, чтоб не уйти от сложности проблемы, от того, что Афганистан не только боль, но и уязвленное национальное самолюбие, которое еще острее от достижений американской профессиональной армии, добившейся стремительной победы действительно «малой кровью и могучим ударом», как пели мы перед Отечеством.

А можно ли безразлично отнестись к таким словам из книги: «Присутствие наших солдат дало импульс социальному процессу в Афганистане послужило своего рода катализатором всех процес-

сов, которые иначе бы тлели и тлели в недрах афганского общества... Ввод войск был нужен, и я отвечаю за свои слова». По ним видно, что не просто солдат отвечает, и верно, это А. Пулко, бывший советником начальника кафедры общественных наук и советником политического факультета военного училища в Кабуле. Разумеется, коммунист, и образованный коммунист, потому как дальше говорит, что нам выпал необыкновенный шанс, последний шанс увидеть своими глазами исторический процесс. «В известной мере это уникальный шанс допознать и развить марксизм в той его части, которая объясняет закономерности доклассового периода развития цивилизации... збвничает свою мысль ученый-марксист... Господи, да что же это такое! Уникальный шанс, ради которого уничтожен миллион человек, повинных лишь в том, что не хотели жить по указке своих и чужих марксистов. Неужели так до основания сметены все нравственные понятия! Какая тогда разница между фашизмом и коммунизмом, если одни готовы уничтожить миллионы по расовому признаку, другие — по классовому! Как врое бы не глумлю человеку можно засорить мозги и как он сам допустит это!»

Такие высказывания дорогого стоят. И я благодарен Н. Стрельцовой, которая воскликает по а этих слов: «Более миллиона уби. А несколько миллионов беженцев разбуршена страна!» На что ей отвечает А. Пулко: «Нет, Афганистан не умер. Его ожидает великое будущее... В дальнейшем обеспечит более легкий переход к социализму. Опять социализм! Опять ленинское, повторное движение вплоть до оруженночного вмешательства. Книга выпущена в 90-м, значит, писалась в 89-м, четыре года перестройки, ну еще социалистические прилавки, пыльные пенсионеры и ветераны, разрушенные деревни, хищническое отношение к природе, продажа полезных ископаемых и все остальные «прелести» социализма, а ученому-марксисту как об стену горюх. Какое там новое мышление!»

С ЕРЧАС на всех встречах с читателями задается почти один и тот же вопрос: что нас ждет, что с нами будет? Эти вопросы задаем мы и себе, много предположений и предсказаний, порой панических и страшных, слышим от знакомых, читаем в газетах и журналах — и о развале Союза, и о предстоящей гражданской войне, и о приходе диктатора типа Сталина... Мне кажется, ничего ужасного не произойдет, никакая наша страна не решится ну, отойдет, может, кизже-то республики — так все равно торговать с нами станут. А что правительство в них будет не коммунистическое, так это их воля и для нашего народа не беда, а лучше, чем коммунизм, — пойдут быстрой к рынку они, покажут нам, как у них там все получается... И армий своих, думаю, не заведут, для претичия — дорого, а по сути же — бессмысленно: от кого может защитить маленькая армия? Между собой воевать? Надеюсь, хватит разума не этим заниматься, когда голодные и раздетые. Переидет к рынку и весь Союз, должен же народ осознать неизбежность этого и стать готовым перепереть все сложности и трудности перехода, а главное, изменить свою уравнивательную, люмпенскую психологию — наследие земледельца лет обоглаживания компроматондой. Ну, а партаппарату придется все-таки примириться с тем, что игры все сыграны и пора по-честному признаться в своей несостоятельности, управлять страной. Этим согласным уходом со сцены можно и заслужить прощение от народа. Сейчас, конечно, трудно поверить в такой благостный исход, но, по моему, для партаппарата он будет наиболее безболезненным.

Ну и самое важное, что все же произошло, — лед тронулся. В мертвую застоя ворвалась живая жизнь. Могут быть отходы, откаты, но движение вперед уже началось. Разве его остановить?

Фото Александра КАРЗАНОВА

Предлагает за наличный и безналичный расчет:

- Вычислительную технику, оргтехнику, периферию, комплектующие к РС совместным ПЭВМ
- Ремонт импортной вычислительной техники: мониторов, принтеров, системных блоков и др.
- Русификация любых принтеров
- Восстановление красящих лент к матричным принтерам
- Дискеты 3,5 дюйма емкостью 720 Кб.

Приглашает:

Творческие коллективы со своими объемами работ. Фонд оплаты до 91%. В пределах Москвы и ближнего Подмосковья возможно обслуживание на месте.

Посреднические услуги и коммерческая информация частных лиц и организаций оплачивается незамедлительно.

Адрес: 141700, г. Долгопрудный, Московской обл. Институтский пер., д. 9, НПО МОТИ
тел.: 408-75-63, 408-46-53

Проезд: ст. метро «Савеловская», электричкой до станции Долгопрудная, далее ступагоркой МОТИ, внутренний тел.: 7-12